

А.В. Яганов

Турова Е.А. Результаты археологических работ Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа сезона 2018 года в контексте исследований комплекса дворца удельных князей в Угличском кремле // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2019. С. 129–140

Документальные сведения о средневековом Угличе кратки, немногочисленны и не изобилуют фактическими подробностями, поэтому в них практически не отразилось тридцатилетнее существование удельного княжества третьего сына Василия II — Андрея (1462–1491 гг.). Строительная деятельность князя лишь косвенно отмечена в поздних источниках, из которых видно, что к его инициативам относится возведение каменных Спасо-Преображенской церкви и комплекса дворцовых построек [Яганов, 2014. С. 267–289]. Впервые о двух сохранившихся зданиях XV в. — церкви и двухэтажной палате, принадлежавшей дворцу, упоминается в писцовых книгах 1674–1676 гг. [Выпись, 1892. С. 34; 50], другие же его строения к тому времени были утрачены.

Первооткрывателем дворца угличских князей стал ярославский исследователь И.А. Тихомиров, который в 1900 г. по инициативе хранителя местного музея К.Н. Евреина произвел раскопки в северной части городища и выявил нижние части кирпичных стен. Но материалы методически несовершенных раскопок И.А. Тихомирова недостаточно документированы и ограничиваются общим планом остатков вскрытых зданий и кратким сортаментом обнаруженных строительных материалов. Описательная часть опубликованного отчета [Тихомиров, 1906. С. 401–422] состоит из многостраничного текста, где подробнейшим образом излагается ход мыслей автора, но содержится мало конкретных фактов и наблюдений.

Вторыми по времени были разведочные археологические исследования О.М. Иоаннисяна 1983 г. Заложив небольшой раскоп и две траншеи, убедившись, что никаких домонгольских каменных построек угличское городище не содержит, он прекратил дальнейшие исследования [Иоаннисян, 1985. С. 57–58].

Вскоре тема археологического изучения дворца угличских князей была подхвачена Вал.А. Булкиным, возглавлявшим экспедицию исторического факультета Ленинградского университета, выполнявшую, кроме Углича,

архитектурно-археологические изыскания в Новгороде и Калинине. Проработав в Угличе с 1985 по 1989 г., археологи добились результатов, несомненно, больших, чем предшественники. Но, к сожалению, хорошо проведенные, но посредственно документированные полевые исследования не всегда располагают к обобщению и публикации полученных результатов. Вот и в данном случае, в одном из региональных сборников появилась статья тезисного плана, посвященная угличскому Спасскому собору, но совершенно не затрагивающая других построек комплекса.

Хотя Вал.А. Булкин предложил собственное видение основных этапов, первый из которых он связывал с возведением Спасского собора при князе Андрее Большом, а последующие — со строительством дворца, но уточняющих датировок этих периодов он не дал [Булкин, 1991. С. 240–241]. Одной из причин отсутствия более конкретных выводов, как мы считаем, стало поверхностное знание памятников архитектуры второй половины XV — начала XVI в. Археологически не решен даже такой важный вопрос, как время окончательного уничтожения дворцовых построек. Многолетние раскопки Вал.А. Булкина лишь в общих чертах разрешили один из связанных с дворцовым комплексом вопросов — подтвердили датировку первого каменного Спасского собора двумя последними десятилетиями XV в. [Булкин, 1991. С. 241].

Недосказанность приводит к интерпретациям, в основу которых полагаются различные гипотезы, ничего не прибавляющие к ранее сделанным выводам и только их размывающие. Пример тому — работа А.М. Салимова [Булкин, Салимов, 2017. С. 72–104], предполагающая общую сводку результатов работ экспедиции Вал.А. Булкина и написанная в соавторстве с покойным исследователем. На самом деле она представляет собой почти дословную компиляцию из статей, ранее написанных по теме дворцового комплекса, разбавленную заключениями, сделанными на основании сомнительных письменных «источников» (так называемых Угличских летописцев) с неизменным для А.М. Салимова выводом об участии в строительстве дворцового комплекса всепроникающих «тверских мастеров». Неясно, что из изложенного в статье принадлежит Вал.А. Булкину, а что является собственным мнением А.М. Салимова.

Следующей интерпретацией, посвященной угличскому дворцовому комплексу, стала статья Е.А. Туровой [Турова, 2019. С. 129–140]. Стремясь внести свой вклад в дело изучения этого памятника, автор предложил оригинальное, хотя и не новое прочтение этапов истории создания каменного Спасского собора. Два-три ряда кладки из известняковых блоков, выявленные в северной апсиде, интерпретируются как остатки белокаменного собора, построенного князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) около 1436 г.

Вопрос о белокаменном соборе, предшественнике построенного в годы существования удела князя Андрея Васильевича, занимал еще И.А. Тихомирова, на основании «Угличских летописцев» относившего его к XIII в. [Тихомиров, 1906. С. 403. Примеч. 2]. В свою очередь Н.Н. Воронин предполагал возможность существования домонгольского каменного храма, сравнивая его с соборами других волжских городов [Воронин, 1962. С. 16]. В единовременности постройки

кирпичного собора во второй половине XV в. и отсутствии гипотетического белокаменного храма-предшественника был уверен Вал.А. Булкин [Булкин, 1991. С. 242] и, с некоторыми оговорками, эту версию принял А.М. Салимов [Булкин, Салимов, 2017. С. 85–86].

Чем же обосновывает Е.А. Турова пересмотр общепринятой датировки Спасского собора периодом между 1462 и 1491 гг.? Оказывается, причиной для смещения акцентов послужила «экономико-политическая ситуация в Угличском княжестве первой половины XV в.» — туманная формулировка, которая, видимо, поставила автора перед выбором, какому из угличских князей этого времени следует отдать первенство в строительстве белокаменного храма. Были выбраны двое — младший сын и внук Дмитрия Донского, Константин Дмитриевич и Дмитрий Юрьевич Рузский (Шемяка), которые поочередно владели Угличем со второй половины 20-х по конец 40-х гг. XV столетия.

В качестве кандидата в ктитору автором выбран Дмитрий Шемяка, который зимой 1436 г. «был «поиман» в Москве, куда поехал приглашать великого князя на свадьбу». Свое предпочтение Е.А. Турова мотивирует только тем, что «приглашение и само венчание в Угличе, а не в Успенском соборе, как это было принято по обычаю, могло состояться только при наличии в Угличе в это время каменного храма» [Турова, 2019. С. 138]. Князь Константин Дмитриевич оказался менее предпочтительным кандидатом, видимо, потому, что совсем не собирался жениться, а решил принять постриг и умер в Симонове монастыре в конце 1433 — начале 1434 г. Брачная тема у Е.А. Туровой идет параллельно созданию и перестройке комплекса дворца. Так она утверждает, что князь Андрей Васильевич Большой, получивший угличский удел в 1462 г., также перестроил обветшавший за три десятилетия Спасский собор в кирпиче «вероятнее, около 1470 г., перед вступлением в брак» [Турова, 2019. С. 138].

Для археологического доказательства датировки белокаменного «собора 1436 г.» в 2018 г. был заложен шурф 25, располагавшийся к востоку от апсид Спасского собора начала XVIII в. Северной стенкой он примыкал к раскопу 1985–1989 гг., в котором была выявлена одна из построек дворца. Поэтому, формулируя задачу, Е.А. Турова называет одной из целей «соотнесение стратиграфических характеристик и датировок, полученных в результате исследования площадки, прилегающей к кладкам дворцового комплекса, с ранее исследованной кладкой воротного проезда дворца» [Турова, 2019. С. 136].

Следами белокаменного строительства 1436 г. определена тонкая строительная прослойка (мощность 1–5 см), содержащая исключительно отески известняка без примеси кирпичного щебня. По мнению Е.А. Туровой, она является самым ранним горизонтом, связанным с каменным строительством, который стратиграфически может быть датирован в пределах первой половины XV в. Расположенный выше строительный горизонт, содержащий кирпичный и растворный щебень, разделяется прослойкой мощностью от 12 до 18 см, что «дает основания значительно разводить их по времени». Этот горизонт в целом соответствует верхнему обрезу фундамента пилона проема и свя-

зывается с постройкой кирпичных стен дворца в последней четверти XV в. [Турова, 2019. С. 136–137].

Доводов в пользу существования каменной церкви 1430-х гг. Е.А. Туровой приведено немного, из них историческое обоснование вопроса наиболее шатко и малоубедительно, к тому же автор уделяет ему немного места. По неизвестной причине не приведены аналоги современных памятников (если они вообще находятся), их технологические особенности, из-за чего исследование серьезно проигрывает в качестве.

По мысли Е.А. Туровой, каменные церкви в уделах Московского княжества, «как это было принято по обычаю» (неясно, где и кем изложенному), создавались исключительно для вступления князей в брак, другие же обстоятельства подобного ктитория были вторичны или не учитывались вовсе [Турова, 2019. С. 138]. Это утверждение вызывает немалое удивление, учитывая, что в 1472 г. сам великий князь Иван III венчался с Софьей Палеолог во временном деревянном храме, поставленном на строительной площадке вновь возводимого Успенского собора. Большинство же московских удельных центров конца XIV — первой половины XV в. не имело каменных церквей, и их князья вынуждены были довольствоваться деревянными, что, наверное, было непреодолимым препятствием для совершения этого обряда. Но оставим эту явно надуманную проблему и перейдем к рассмотрению других возможных причин невозможности строительства Дмитрием Шемякой белокаменной церкви в 1436 г.

Во-первых, заметим, что прибавив Углич и Ржев к ничтожной Рузе, амбициозный Шемяка вряд ли смирился с судьбой третьестепенного удельного князя и вынашивал далеко идущие планы на великокняжеский престол, что он и продемонстрировал в дальнейшем. Углич рассматривался как временное, относительно удаленное от Москвы, пристанище, но задерживаться в нем надолго он не собирался. Следовательно, гипотетическое строительство им в Угличе каменного храма маловероятно¹.

Во-вторых, Дмитрий Шемяка получил «выморок» дяди между 5 июня 1434 г. и 6 января 1435 г. [Зимин, 1991. С. 71], поэтому даже теоретически не мог

1 Позволим себе кратко изложить политическую историю Углича в первой половине XV в. По духовной грамоте Владимира Андреевича (1401–02 г.) Угличем владели «наполы» его младшие сыновья — Андрей Радонежский и Василий Перемышльский [ДДГ, 1950. №17. С. 47]. Братья умерли во время мора 1426–1427 гг. [ПСРЛ. Т. 26. 1959. С. 185], угличские части их уделов переходят к великому князю, а затем вместе с Ржевом — в состав новосозданного удела князя Константина Дмитриевича, перед смертью постригшегося в Симоновом монастыре. Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный получили от великого князя прибавку к своим землям после смерти отца Юрия Дмитриевича, последовавшей 4 или 5 июня 1434 г. [ПСРЛ. Т. 5. 1856. С. 266. ПСРЛ. Т. 15. 2000. С. 490], когда они оказали поддержку Василию II против захватившего Москву своего старшего брата Василия Косого. Шемяка приобрел Углич и Ржев, а Дмитрий Красный — Бежецкий Верх. [ПСРЛ. Т. 8. 2001. С. 99. ПСРЛ. Т. 18. 2007. С. 175]. Исходя из последовательности событий, это могло произойти в конце 1434 или начале 1435 г.

приступить к возведению белокаменного собора весной 1435 г., чтобы закончить его в том же году и пригласить великого князя на свадьбу зимой 1436 г. [ПСРЛ. Т. 27. 2007. С. 345. ПСРЛ. Т. 37. 1982. С. 86]. Немалое время требовалось на переселение двора, размещение в Угличе его представителей и слуг, чем, вероятно, князь занялся прежде всего. К тому же на эти события накладывалась продолжавшаяся война со старшим братом Василием Косым, который тогда активно разорял Заволжье и мог реально угрожать новоприобретенным владениям Шемяки.

В-третьих, для начала строительства необходимы кадры, о деятельности которых в Москве и на территориях московских уделов ничего не известно, по крайней мере со времени княжения Василия I. С началом «розмирья» между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, произошедшего летом 1431 г., едва ли находился год без больших и малых конфликтов. Вероятно, поэтому летописи ничего не говорят о строительных инициативах со стороны князей, митрополита и крупных монастырей. Первые постройки в Москве после относительного завершения междоусобицы появляются в 1450 г., но возводятся они уже из кирпича. Так, если на время войны стройка остановилась даже в столице, то о каких белокаменных храмах можно говорить вне ее?

В-четвертых, неизвестно, как отразилась негативная ситуация в Московском княжестве в годы войны на заготовке строительных материалов, в частности белого камня и извести. Не исключено, что процесс их производства был приостановлен из-за отсутствия заказа. Здесь надлежит учитывать, что при малых объемах строительства в те времена разработка камня осуществлялась для конкретного здания и в количестве, не большем, чем было необходимо. Поэтому, если бы даже весной 1435 г. Шемяка принял решение возвести храм, то поиск и наем мастеров, выработка нужного количества белокаменных блоков, их сушка, выжигание извести, доставка и складирование заняли все летнее время 1435 г.

Хотя следует признать, что камень в северные города Московского княжества могла поставлять Старица², а учитывая строительную деятельность в Твери времени великого князя Бориса Александровича (впрочем, не слишком интенсивную), заготовка этого материала не претерпела серьезного кризиса³. Но ранее перечисленные обстоятельства никто не отменял и для старицкого производства.

И наконец, возникает вопрос, имел ли Дмитрий Шемяка — представитель второго поколения удельных князей — достаточные средства для такой, весьма затратной инициативы. Доходы от городка Рузы с волостями, пожалованного

2 Но для XV в. эту гипотезу следует рассматривать только теоретически, так как в это время в городах ниже Твери никаких каменных построек не возводилось. Поставки старицкого камня в них документально известны лишь с начала XVII в.

3 Можно предположить, что в строительстве белокаменного собора Шемяки принимали участие «тверские мастера», но подобные культурные взаимоотношения Москвы с Тверью прослеживаются только в смелых, но, увы, надуманных гипотезах А.М. Салимова.

ему отцом по духовной грамоте 1433 г., и только что полученных во владение от Василия II пограничной Ржевы и Углича явно не превышали возможностей великого князя, который каменного строительства тогда не вел.

Археологические доказательства существования белокаменного собора 1436 г. основываются на локальном стратиграфическом сюжете, рассматриваемом вне контекста работ Вал.А. Булкина 1985 и 1986 гг. (раскоп 2) и являются, на наш взгляд, неочевидными и надуманными. Разочаровывают и графические материалы статьи. Автор ссылается только на план-схему расположения раскопа 25, помещенную в статье С.В. Томсинского⁴, и сделанную в ракурсе фотографию участка западной стенки раскопа. Другие стратиграфические разрезы, помещенные в этой же статье, представляют только четыре юго-западных и полтора северо-западных квадрата, имеющие к теме белокаменного собора второстепенное отношение. Поэтому восполнять отсутствие фиксационных чертежей приходится по описанию в тексте, которому мы вынуждены верить на слово.

Выбор Е.А. Туровой отметки нижнего обреза кладки кирпичного пилона в качестве точки отсчета на хронологической шкале мотивируется тем, «что напластования времени разрушения кладок дворца сохранились частично, а расположенные ниже — сохранились непо потревоженными» [Турова, 2019. С. 135]. Несомненно, эта отметка с большой точностью определяет строительный горизонт кирпичной постройки, который автор датирует последней четвертью XV в. Но действительно ли она соответствует начальному этапу возведения дворца?

На представленной фотографии видно десять рядов кладки, выполненной из нецелых разноформатных кирпичей, среди которых по толщине мы можем условно выделить три типоразмера: тонкий (около 6 см) «плинфообразного» вида, тонкий (6,5–7 см) брусковый или большемерный (7,5–8 см), причем в рядах все типы бессистемно чередуются. Для второй половины XV — начала XVI в. сложно говорить об устойчивых форматах кирпича — в это время еще идет переход от «плинфообразного» кирпича к брусковому, поэтому колебания размеров тычка и толщины изделия могут заметно различаться даже в пределах одного здания (Духовская церковь в Троице-Сергиевом монастыре 1476 г., Грановитая палата в Московском Кремле 1487–1491 гг.). На примере комплекса построек угличского дворца вычленяются два главных формата — соборный (27,5–30 × 17,5–20 × 6–7 см)⁵ и дворцовый (30–32 × 15–16 × 5,5–6,5 см); других же, резко отличающихся от них, в отчетах Вал.А. Булкина не фиксируется.

Находя в кладке маркерного участка пилон дворцовой постройки, «не имеющего следов переключений», форматы кирпича, «ранее в научный оборот не введенные» [Турова, 2019. С. 139], Е.А. Турова грешит против истины

4 Помещена в том же сборнике [Томсинский, 2019. С. 118–128].

5 О.М. Иоаннисян приводит собственный вариант формата соборного кирпича 29 × 19,5 × 6 см [Иоаннисян, 1985. С. 58].

и намеренно не замечает очевидного. Приведенные ею усредненные размеры кирпича имеют слишком значительный разброс — по-видимому, в выборку были включены изделия различных типоразмеров. Поэтому они вполне укладываются в сделанные Вал.А. Булкиным обобщения для собора и дворца⁶. В пилоне применен явно вторичный кирпич, не встреченный при раскопках Вал.А. Булкина, но, наверняка, он мог использоваться в постройках и перестройках на более поздних этапах. Мы уже отмечали отсутствие периодизации исследованных в 1980-е гг. сооружений, считая это следствием поверхностного подхода к теме. Поэтому невозможно составить общую картину строительной истории ансамбля, которая, по нашему мнению, не ограничивается временем князя Андрея Васильевича Большого.

Не секрет, что со второй половины XV в. и до конца XVI в. (с перерывами) Углич оставался крупным московским удельным центром. После князя Андрея Большого (1462–1491), традиционно считающегося строителем каменных Спасского собора и дворца, семнадцать лет (1504–1521) Углич находился во владении третьего сына Ивана III — Дмитрия, а после смерти Василия III назначен в удел младшему брату Ивана IV, Юрию (1534–1563). И наконец, по завещанию Ивана IV, этот удел получил царевич Дмитрий (1584–1591), на котором завершилась история Угличского княжества. Несомненно, что каменный дворец Андрея Васильевича при каждом новом князе перестраивался или приспособлялся к новым вкусам, поэтому видеть в его составе только законсервированные на целое столетие здания XV в., на наш взгляд, неразумно и нелогично. Впрочем, это наше положение подтверждают фотографии, сделанные экспедицией Вал.А. Булкина, на которых усматривается непременность постройки с «воротным проемом»⁷ по отношению к другим вскрытым раскопками 1985–1989 гг. сооружениям⁸.

Но если нижний ряд кладки пилона ворот соответствует переделкам, связанным с поздним этапом существования дворцового комплекса, то где же в слое отложились еще, по крайней мере, несколько строительных периодов, связанных с разборкой белокаменного «собора 1436 г.», постройкой новой кирпичной церкви, а затем дворца при князе Андрее Большом? Но мощность прослойки, которая перекрывает крошку известняка, составляет всего 12–18 см и, судя по изображению на фотографии, она не содержит следов очевидных строительных мероприятий и сформировалась естественным образом.

⁶ Исключение составляет толщина 8,5 см.

⁷ По наблюдению Вал.А. Булкина, стены постройки с воротным проемом сложены из тонкого брускового кирпича формата в среднем 30–32 × 15–16 × 5,5–6,5 см. Автор отмечает, что стены постройки «хотя и имеют следы чинков, относятся к одному строительному периоду» [Булкин Вал.А. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониеве монастыре и Кремле города Углича в 1985 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10820. Л. 14].

⁸ Здесь мы видим чередование тычков и ложков [Булкин Вал.А. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониеве монастыре и Кремле города Углича в 1985 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10820. Л. 14. Рис. 23, 28].

Неизвестно, как соотносится выявленная Е.А. Туровой хронологическая шкала с остатками Спасского собора второй половины XV в., или с отметкой сплошных белокаменных контрфорсов, которыми были укреплены стены алтарных апсид. Нельзя исключить, что прослойка белокаменного щебня отложилась при возведении противоаварийных конструкций, построенных, по наблюдению Вал.А. Булкина, без использования кирпича⁹. Если принять во внимание этот тезис, то ситуация с разновременными строительными горизонтами несколько проясняется. Если «прослойка чистых белокаменных отесков» отложилась на искусственно сформированной поверхности нижележащего слоя, то можно рассмотреть по крайней мере три причины возможных планировочных мероприятий:

а) срезку грунта со следами строительства сразу после возведения Спасского собора князя Андрея Большого;

б) ремонт собора с устройством белокаменных контрфорсов до строительства дворца;

в) срезку грунта позднее, при подготовке площадки к северу, востоку и западу от собора для строительства каменного дворца, в результате чего был подтесан белокаменный контрфорс, давший такую прослойку.

По-другому обосновать утрату таких информативно значимых для комплекса культурных напластований невозможно. При работах 1985–1989 гг. обращение к стратиграфии по отношению к выявленным каменным постройкам имело довольно специфический характер и не демонстрировало общей картины их появления и разрушения, поэтому к сделанным тогда наработкам обратиться едва ли возможно. Попытка же Е.А. Туровой с помощью случайно выбранного эпизода не только выявить и охарактеризовать все строительные периоды (правда, игнорируя некоторые важные), и вычленив из них новые, ранее не рассматривавшиеся моменты, на наш взгляд, крайне неубедительна.

Другим крупным недочетом исследования Е.А. Туровой является незнание технологических особенностей московского строительства XV–XVI вв. Например, участки белокаменной кладки северной апсиды, известные по фотографиям раскопок Вал.А. Булкина и относимые Туровой к «собору 1436 г.», выполнены чередованием не крупных постелистых блоков с толстыми (рассчитанными на густой раствор) швами, без следов дополнительной доработки стыкующихся поверхностей. Подобная технология появляется во второй половине XV в. и бытует весь XVI в., когда известняк уже не был приоритетным, а скорее, вспомогательным строительным материалом, а строительство велось главным образом из кирпича. Фундаменты состоят из трех рядов валунов

⁹ Контрфорс, где между верхним обрезом фундамента и белокаменной кладкой выявлена прослойка кирпича, приложен к северо-западному углу собора князя Андрея Большого [Булкин Вал.А. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониеве монастыре и Кремле города Углича в 1985 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10820. Л. 14]. Видимо, он относился к другому строительному периоду.

насухо, а не грубо обработанных с лицевой стороны белокаменных элементов, что было бы характерно для раннемосковского зодчества.

Одним из аргументов в пользу существования «собора 1436 г.» Е.А. Турова считает указание Вал.А. Булкина на несовпадение отметок верхнего ряда белокаменных блоков в кладке апсиды и северной стены¹⁰ и уверяет, «что так происходит при разборке кладки и возведении стены вновь из другого материала» [Турова, 2019. С. 133]. Но здесь «ступенчатый» переход от камня к кирпичу, видимо, зависел только от высоты белокаменных блоков, которые перед кладкой стены не подтесывались. Отсутствие декоративных фасадных членений в уровне подклета прослеживается в Спасо-Преображенском соборе Спасо-Каменного и Рождественском соборе Феррапонтова монастырей, где на стенах подклета они вообще не предусматривались¹¹. Кроме того, Е.А. Турова не учитывает важное замечание Вал.А. Булкина, что «кирпич положен на растворе тех же характеристик, что и раствор цокольной части»¹² и совершает примитивную ошибку своих давних предшественников, традиционно разделявших по времени белокаменную и кирпичную кладку в пределах одного здания лишь по факту использования различных материалов.

Отвергает Е.А. Турова и факт существования контрфорсов, обнаруженных у северной, восточной и южной стен. В категоричной манере она утверждает, что «в практике древнерусского строительства неизвестны случаи возведения подпорных конструкций в подобных случаях. Была принята разборка до цоколя или подклета и возведение нового здания» [Турова, 2019. С. 134]. Здесь со всей очевидностью просматривается незнание автором древнерусского архитектурно-археологического материала. Следы каменных контрфорсов, сооруженных не ранее второй половины XV в., обнаружены при раскопках домонгольского Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле¹³, подобные конструкции были пристроены в середине XVI в. к стенам Софийского собора в Новгороде [Петров, 1991. С. 211–217], а также зафиксированы и на других памятниках¹⁴.

И главное, в статье отсутствуют соображения по реконструкции первоначального облика предполагаемого «собора 1436 г.» хотя бы описательного

- 10 [Булкин Вал.А. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониевом монастыре и Кремле города Углича в 1985 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10820. Л. 12]. На фотографиях отчетов 1985–1986 гг., иллюстрациях к статьям А.М. Салимова и Е.А. Туровой этот момент никак не отражен.
- 11 В этих памятниках декор фасадов начинал формироваться на границе подклета и верхнего яруса церкви. Отметим отсутствие плинта в основании цоколя, который «нависает» над плоскостью стены подклета (см. также Воскресенский собор в Волоколамске).
- 12 [Булкин Вал.А. Отчет об архитектурно-археологических работах в новгородском Антониевом монастыре и Кремле города Углича в 1985 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10820. Л. 12.]
- 13 [Энговатова А.В. Отчет по результатам охранных научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на территории Спасо-Преображенского монастыря в г. Ярославле в 2008 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №44219. Л. 31.]
- 14 Например, в церкви Введения на Подоле (1546/1547 г.) близ Троице-Сергиева монастыря мощный контрфорс у юго-восточного угла построен при ремонте 1621 г.

плана. Из довольно непоследовательного текста удается извлечь, что он был белокаменным, подвергся «радикальной перестройке» после 1447 г., а около 1470 г. вторично перестроен князем Андреем Большим в кирпиче. «Материал от разборки белокаменных кладок пошел на возведение полубутовых конструкций обстройки», в которых Е.А. Турова видит «основание папертей и крылец собора» [Турова, 2019. С. 138]. Неясно, существовал ли у «собора 1436 г.» подклет или погреб, а если белокаменное здание частично вошло в состав церкви Андрея Большого, то почему «развалы разборки собора 1700 г. (sic!), зафиксированные в раскопе 2018 г., практически не содержат белокаменных обломков» [Там же. С. 138]. Очевидно, что вопросов к изложенному в статье много, но они, наверное, так и останутся без ответа.

Подводя итоги сказанному, отметим только главные недостатки гипотезы Е.А. Туровой. Среди очевидных слабых мест — небрежно выстроенная источниковедческая основа, в которой отсутствует тщательная проработка и анализ письменных источников, поверхностный подход к аргументации возведения «белокаменного собора Шемяки»¹⁵. Единственный умозрительный довод, где брак Дмитрия Шемяки поставлен в зависимость от строительства каменной церкви в 1436 г., не выдерживает никакой критики.

Мы совсем не уверены, что археологические наблюдения Е.А. Туровой, построенные на локальном эпизоде, отображают общую стратиграфическую ситуацию, связанную с дворцовыми постройками, к тому же недостаточно изученную при раскопках 1985–1989 гг.¹⁶ Отчасти автор был поставлен в зависимость от ее слабой разработанности, почему неудачным выглядит выбор маркера для хронологизации культурных напластований и вычленения из них строительных горизонтов.

Если тонкую прослойку белокаменного щебня еще можно связать с небольшими по объему ремонтными работами, то соотносить ее с более масштабными мероприятиями, как строительство, бытование и разборка или реконструкция «храма Дмитрия Шемяки», совершенно невозможно. Автор не дает главного ответа, куда исчезли следы нескольких строительных периодов, которые неминуемо должны были отложиться на площадке или на ее периферии? Кроме спорного маркера, обозначающего горизонт перестройки дворцового здания с «пилоном воротного проема», не представлено других, за исключением бездоказательного утверждения, что прослойка щебня «соответствует положению абсид древнего каменного Спасского собора» [Турова, 2019. С. 136].

Таким образом, и в исторической и в археологической части исследование Е.А. Туровой совершенно не убеждает нас в справедливости сделанных автором наблюдений. Построения, предлагавшиеся ее предшественником

- 15 Автор не привлекает никаких источников и исследований по теме, основываясь исключительно на работах А.В. Экземплярского [Экземплярский, 1889. Он же, 1891].
- 16 Раскопом 2 в 1985–1986 гг. исследован периферийный участок городища, не связанный с каменными постройками.

Вал.А. Булкиным для этапов формирования дворцового комплекса, видятся более стройными и последовательными, чем возникшая на пустом месте тенденциозная гипотеза о строительстве белокаменного «собора 1436 г.».

Понимая шаткость и неоднозначность своих выводов, автор использует избирательный подход по отношению к исследованиям 1985–1989 гг., при котором учитываются только подтверждающие гипотезу факты и игнорируются неудобные. Вот почему в работе не представлены важные для доказательства графические материалы раскопок, не сделаны попытки реконструкций гипотетической постройки 1436 г. на различных этапах ее существования, а свод исторических данных основывается лишь на популярном биографическом очерке. Е.А. Турова придерживается жестко выстроенной линии из малоубедительных категоричных гипотез, отмечается очевидное, не давая места другим предположениям, что подчеркивает прокламативность изложенного в статье и серьезно снижает ее научный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

- Булкин Вал.А. К ранней истории Спасо-Преображенского собора в Угличе // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород: [б.и.], 1991. С. 238–243.
- Булкин Вал.А., Салимов А.М. Строительство Андрея Большого в Угличском кремле по материалам архитектурно-археологических исследований 1985–1989 гг. // Seminarium Bulkinianum IV. К 80-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб.: Каламос, 2017. С. 72–104.
- Выпись с писцовых книг писма и меры стольника Михаила Феодоровича Самарина да подьячева Михаила Русина 182 и 183 и 184 (1674, 1675 и 1676) годов // Труды ЯГУАК. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1892. [Кн. 2. Вып. 2]. С. 30–302.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 585 с.
- Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Иоаннисян О.М. Раскопки в Ярославле и в Угличе // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 57–58.
- Петров Д.А. Контрфорсы Софийского собора в Новгороде (к строительной истории памятника) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: ВНИИТАГ, 1991. Вып. 1. С. 211–217.
- Полное собрание русских летописей. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 275 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.: Языки славянских культур, 2007. 436 с.

- Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 227 с.
- Тихомиров И.А. Раскопки в Угличском кремле // Труды 2-го областного Тверского Археологического съезда 1903 г. Тверь: Тип. Губернского правления, 1906. Отд. 2. С. 401–422.
- Томсинский С.В. Исследования в Угличском кремле в 2018 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 118–128.
- Турова Е.А. Результаты археологических работ Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа сезона 2018 года в контексте исследований комплекса дворца удельных князей в Угличском кремле // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 129–140.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. Т. 1. 474 с.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. Т. 2. 696 с.
- Яганов А.В. О ктиторийской деятельности князя Андрея Васильевича Угличского // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конф. Сб. ст. Ярославль; Рыбинск: Из-во ОАО «Рыбинский дом печати», 2014. С. 280–285.

REFERENCES

- Bakhrushin S.V. (ed.) *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vekov (Wills and Treaties of the Great and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries)*. Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 585 p. (in Russian).
- Bulkin Val.A. On the Early History of the Transfiguration Cathedral in Uglich. *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Materialy 2 regional'noi nauchnoi konferentsii "Problemy issledovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia" (Historical and Cultural Monuments of the Upper Volga Region. Materials of the 2nd Regional Scientific Conference "Problems of Research of Historical and Cultural Monuments of the Upper Volga Region")*. Nizhny Novgorod, without publishing house, 1991, pp. 238–243 (in Russian).
- Bulkin Val.A., Salimov A.M. The Construction of Andrei the Elder in the Uglich Kremlin Based on the Materials of Architectural and Archaeological Research 1985–1989. *Seminarium Bulkinianum IV. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Valentina Aleksandrovicha Bulkina (Seminarium Bulkinianum IV. To the 80th Anniversary of the Birth of Valentin Alexandrovich Bulkin)*. Saint-Petersburg, Kalamos Publ., 2017, pp. 72–104 (in Russian).
- Ekzemliarskii A.V. *Velikie i udel'nye kniaz'ia severnoi Rusi v tatarskii period. Biograficheskie ocherki po pervoistochnikam i glavneishim posobiim (Grand and Appanage Princes of Northern Russia in the Tatar Period. Biographical Essays on Primary Sources and the Major Research)*. Saint-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1889, vol. 1. 474 p. (in Russian).
- Ekzemliarskii A.V. *Velikie i udel'nye kniaz'ia severnoi Rusi v tatarskii period. Biograficheskie ocherki po pervoistochnikam i glavneishim posobiim (Grand and Appanage Princes of Northern Russia in the Tatar Period. Biographical Essays on Primary Sources and the Major Research)*. Saint-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1891, vol. 2. 696 p. (in Russian).
- Extract from the Scribal Books of the Letters and Measures of the Stolnik Mikhail Feodorovich Samarin to Podyachii Mikhail Rusinov in 182 and 183 and 184 (1674, 1675 and 1676). *Trudy Iaroslavskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Works of the Yaroslavl*

- Provincial Scientific Archival Commission). Moscow, Tipografiia A.I. Snegirevoi Publ., 1892, part 2, vol. 2, pp. 30–302 (in Russian).
- Iaganov A.V. About the Ktetur Activity of Prince Andrey Vasilyevich Uglichsky. *Arkheologiya: istoriia i perspektivy. Shestaia mezhtseobnaia konferentsiia. Sbornik statei (Archeology: History and Prospects. Sixth Interregional Conference. Collection of Articles)*. Yaroslavl, Rybinsk, Rybinskii dom pechati Publ., 2014, pp. 280–285 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Excavations in Yaroslavl and Uglich. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries of 1983)*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 57–58 (in Russian).
- Petrov D.A. Counterforts of St. Sophia Cathedral in Novgorod (to the Construction History of the Monument). *Restavratsiia i arkhitekturnaia arkheologiya. Novye materialy i issledovaniia (Restoration and Architectural Archaeology. New Materials and Research)*. Moscow, Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning Publ., 1991, vol. 1, pp. 211–217 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 5: Pskovskie i Sofiiskie letopisi (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 5: Pskov and Sofia Chronicles)*. Saint-Petersburg, Tipografiia E. Pratsa Publ., 1856. 275 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 8: Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 8: Continuation of the Resurrection List Chronicle)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 312 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 15: Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 15: Rogozhsky Chronicle. Tver Collection)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 432 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 18: Simeonovskaia letopis' (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 18: Simeonovskaia Chronicle)*. Moscow, Znak Publ., 2007. 328 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 26: Vologodsko-Permskaia letopis' (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 26: Vologda-Perm Chronicle)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1959. 412 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 27: Nikanorovskaia letopis'. Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV veka (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 27: Nikanorovskaya Chronicle. Brief Chronicles of the End of the 15th Century)*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 436 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, 37: Ustiuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vekov. (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 37: Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th–18th Centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 227 p. (in Russian).
- Tikhomirov I.A. Excavations in the Uglich Kremlin. *Trudy 2-go oblastnogo Tverskogo Arkheologicheskogo s"ezda 1903 g. (Works of the 2nd Regional Tver Archaeological Congress of 1903)*. Tver, Tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1906, part 2, pp. 401–422 (in Russian).
- Tomsinskii S.V. Research in the Uglich Kremlin in 2018. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. Materialy nauchnogo seminar. (Archeology of the Vladimir-Suzdal Land. Materials of the Scientific Seminar)*. Moscow, Institute of Archaeology Publ., 2019, vol. 9, pp. 118–128 (in Russian).
- Turova E.A. The Results of the Archaeological Work of the Old Russian Expedition of the State Hermitage Museum of the 2018 Season in the Context of the Research of the Palace of the Appanage Princes in the Uglich Kremlin. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. Materialy nauchnogo seminar. (Archeology of the Vladimir-Suzdal Land. Materials of the Scientific Seminar)*. Moscow, Institute of Archaeology Publ., 2019, vol. 9, pp. 129–140 (in Russian).
- Zimin A.A. *Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naia voina v Rossii XV veka. (The Knight at the Crossroads. Feudal War in Russia of the 15th century)*. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 286 p. (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яганов Андрей Викторович — Институт археологии РАН. yagav@yandex.ru

AUTHOR

Yaganov, Andrey V. — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. yagav@yandex.ru